

ПУШКИН

РУССКИЙ ЖУРНАЛ

О КНИГАХ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№1, 2008

[WWW.TUSS.RU](http://www.tuss.ru)

95 РЕЦЕНЗИЙ

О ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ

СОЗДАЮТ КИНО, КУЛЬТУРУ

Пушкин 2008

Русский Журнал

**Пушкин. Русский журнал
о книгах №01/2008**

«Европа»

2008

Русский Журнал

Пушкин. Русский журнал о книгах №01/2008 / Русский Журнал — «Европа», 2008 — (Пушкин 2008)

Журнал «Пушкин» представляет сборник рецензий на книги по философии, политике, истории, экономике, социологии, культуре. В номере: Статьи Михаила Маяцкого, Иммануила Валлерстайна, Альберто Тоскано, Славоя Жижека, Дэвида Симпсона, Алексея Апполонова, Александра Бикбова, Майкла Томаски, Шона Коллинза, Аарона Бенанава, Дика Ховарда, Валерия Подорога, Эманюэля Ландольта, Чалмерса Джонсона, Бориса Межуева, Вигена Акопяна, Карена Свасьяна, Ивана Лабуева, Романа Ганжи, Ильи Дедекинда, Михаила Афанасьева, Екатерины Росляковой, Олега Игнатова, Андрея Лазарева, Ольги Эдельман, Александра Антощенко, Игоря Дубровского и др. Вы пройдёте по книжным магазинам города и совершите «покупки» с Модестом Колеровым, Борисом Куприяновым, Михаилом Рогожниковым, Артемом Смирновым и Сергеем Мазуром. В номере в качестве иллюстраций использованы работы русских художников XX века.

Содержание

КУЛЬТУРА	5
КРОХИ	13
ПОКУПКИ	15
ПОЛИТИКА	30
ПОЛИТИКА	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Журнал Пушкин № 1, 2008

КУЛЬТУРА Не читал, но скажу Михаил Маяцкий

Pierre Bayard. *Comment parler des livres que l'on n'a pas lus?* Paris: Les Editions de Minuit/Paradoxe 2007. 163 p.¹

Для большинства из нас процесс чтения является не просто одним, пусть даже очень важным, делом среди прочих, не просто развлечением или просто работой. Чтение для нас, скорее, дело жизни, занятие центральное, особое, святое. Рухнули империи и династии, идолы и идеалы, а скольжение глаз по черным закорючкам остается священнодействием. Скажи мне, что ты читаешь... и т. д. Мы читаем всю жизнь, всю жизнь учимся читать, всю жизнь не умеем и всю жизнь не теряем надежды когда-нибудь научиться. Мы присматриваемся к своим читательским привычкам, к своим меняющимся вкусам и приемам, к своим маленьким читательским хитростям, с сознанием, что тем самым познаем себя. Мой характер как читателя, несомненно, имеет отношение к моему характеру вообще.

Мы знаем, что смертны, мы обживаем свою конечность, однако читателями собираемся стать бесконечными и абсолютными: читать быстро, а лучше мгновенно, прочитать всё, обо всем, на всех языках и не забыть ничего. Чтением дело не ограничивается, и изрядная часть жизни уходит на разговоры вокруг книг. И хотя мы знаем, что это глупо, но все равно краснеем (не важно, видно ли это), когда выясняется, что чего-то не читали, или когда, не дай бог, приходится высказать мнение о нечитанном. Вот об этом стыде – обсуждаемая книга, и ее автор собирается избавить нас от ложного чувства вины и неоправданных мук совести.

¹ Пьер Байар. Как говорить о книгах, которых не читал?

Сходство названия книги со столь популярными ныне «Как стать знатоком вин (оперы, санскрита, прерафаэлитов) за полчаса?» – обманчиво. Слишком серьезно издательство и слишком известен своим лукавством автор, литературовед Пьер Байар, автор десятка исследований, в которых академизм не просто замешан на юморе, но и как будто на нем и держится. Ценители названий не пройдут мимо его «Жил да был как-то два раза Ромен Гари» («Il était deux fois Romain Gary»), об известном (в том числе и в России, откуда он родом) писателе-мистификаторе, писавшем под двумя именами – Ромен Гари и Эмиль Ажар – и получившем таким образом два раза Гонкуровскую премию, что запрещено ее уставом.

Но и обманчивость эта обманчивая. Книга – в том числе – и о том, как не ударить лицом в грязь перед собеседниками, коллегами, студентами. Практика говорить о книге, не прочитав ее, у российского человека старшего поколения накрепко связана с литературно-судебными процессами над Пастернаком, Синявским, Бродским и другими. Вообще же очевидно, что ситуации, в которых человек вынужден говорить о непрочитанных книгах, встречаются далеко за рамками этих весьма специфических сцен.

П. В. Кузнецов. набросок. Публикуется впервые

Что вообще означает «прочитать книгу»? Автор начинает с того, что развеивает псевдо-ясность этого понятия. Все упоминаемые в книге литературные произведения сопровождаются одной из четырех сигл. О каждой книге субъективная сигла Пьера Байара указывает, что это либо КН (книга ему неизвестная), либо КП (книга им пролистанная), либо КС (книга, о которой Байар слышал), либо, наконец, КЗ (книга им забытая). Заметим, что категорию «книги прочитанной» список даже не предусматривает. Что не мешает автору сопровождать каждое произведение (конечно, включая сюда и книги неизвестные) рекомендацией: ++ очень высокая оценка, + положительная оценка, – отрицательная, – очень низкая оценка.

Автор выявляет в своей/нашей цивилизации по меньшей мере три постулата, которые задают систему табу, царящих в «экономии чтения»: 1) обязанность читать, т. е. регулярно предаваться этому все еще – несмотря на многочисленные оговорки – сакральному занятию; 2) запрет на быстрое чтение, перелистывание, перепрыгивание, ознакомление, особенно свирепствующий в филологической среде; 3) необходимость прочитать книгу перед тем, как говорить о ней. Три эти постулата-табу окружают чтение ореолом тайны, по непроницаемости сопоставимой только с той, что покрывает сферы денег и секса.

Конечно, читателю вольно понять Байара так, будто он призывает бросить это глупое занятие, перестать, наконец, читать и начать беспардонно делиться своим мнением по поводу нечитанных и даже невиденных книг. Вовсе нет. Он лишь указывает на нечеткость границы между чтением и нечтением. Вместо двух изолированных и непримиримых лагерей, имеется масса промежуточных форм встречи человека и текста, более или менее близких к противоположным полюсам.

Обращаясь к анализу различных разновидностей нечтения, автор выясняет и легко убеждает читателя в том, что тот (как и этот) не читал подавляющего большинства книг (не говоря уже о «текстах»), написанных за еще, в общем, недолгую человеческую историю. Нечтение является поэтому преобладающим типом отношения человека к написанному. По сравнению с корпусом напечатанного, количество прочитанного даже самым завзятым книгоглотателем просто ничтожно. Все мы, считай, не прочитали *ничего*. И что же? Счастья нам от этого не видать? И когда речь заходит о книгах, которые мы – в том или ином смысле слова – не читали, мы обречены на молчание? Отнюдь.

В литературе (а именно из нее все же черпает свои примеры почти ничего не читавший литературовед Пьер Байар) примером такого спокойного отношения к своему нечтению может служить, как ни странно, библиотекарь, второстепенный персонаж романа Роберта Музиля «Человек без свойств». Глупый и тщеславный вояка генерал Штумм, волею сюжета наносящий визит в библиотеку, сначала поражен количеством хранящихся там книг, затем, установив сходство между полками книг и полками марширующих солдат, обретает покой, и даже решает, что мог бы, пожалуй, прочитать эту библиотеку, читая по одной книге в день. На вопрос, сколько же здесь книг, сопровождающий его библиотекарь сообщает, что их три с половиной миллиона. Штумм, далекий от тонких материй, но не от арифметики, подсчитывает и – о ужас! – получает... почти десять тысяч лет жизни, необходимых для этого нелепого предприятия. Библиотекарь же, не проведя на своем посту и малой доли этого срока, как оказывается, прекрасно ориентируется в этих вверенных ему миллионах. Как?! «Господин генерал, Вам интересно, как мне удастся знать все эти книги? – спрашивает он у Штумма. – Отвечу без обиняков: потому что я их не читаю». Библиотекарь читал в них только названия и оглавления. «Кто сунет нос в текст – пропал для библиотеки. От него навсегда ускользнет общий обзор».

Вот он, универсальный секрет или по крайней мере рецепт специалиста: чтобы обозревать тотальность, противопоказано теряться в деталях. Байар подхватывает: «Образованные люди знают – и еще пуще необразованные, к сожалению, не знают, – что культура состоит прежде всего в ориентации. Быть образованным означает не прочесть ту или иную книгу, а уметь ориентироваться в их совокупности, то есть знать, что они образуют некое целое, и быть способным представлять себе место каждого элемента в этом целом. (...) Поэтому не прочитать какую-то книгу не так важно для образованного человека, поскольку, пусть и не зная ее содержания, он, как правило, способен понять ее положение, т. е. соотношение с другими книгами». И, в качестве примера, Байар с легкостью признаётся, что не читал «Улисса» Джойса, что не мешает ему достаточно точно знать положение этой книги в мировой библиотеке. Его личная библиотека состоит, как у любого человека, из пробелов и дыр, и все же она достаточно насыщена, чтобы худо-бедно ориентироваться в библиотеке универсальной и даже препода-

вать литературу в университете, при этом не часто испытывая стыд и смиренно признавая и за студентами право иметь мнение о некоторых шедеврах, их не читав.

Как на факультете, так и в миру люди обсуждают преимущественно не книги вообще, а некоторую уважаемую в этом месте и времени выборку из книжного континуума. Эту выборку автор предлагает назвать *коллективной библиотекой*. Человеку достаточно, собственно, хорошо ориентироваться именно в ней. Конечно, прекрасно было бы прочитать все книги из коллективной библиотеки своей группы, цеха или поколения. Но даже это часто невозможно. С другой стороны, стоит какой-то книге попасть в такую коллективную библиотеку, как эта книга меняет общую диспозицию книг и идей, обсуждается, вызывает полемику и т. д. Книга так или иначе становится знакомой; уже невозможно чистосердечно утверждать, будто она абсолютно неизвестна. Но чтобы иметь о ней достаточно полное представление, нужно проделать немалую работу: припомнить предыдущие публикации на эту тему и этого автора, сопоставить имеющиеся реакции на нее, учитывая личности реагирующих и т. д.

Позиция нечтения оказывается подлинно активной, предполагающей порой сложную организацию своей субъективности перед лицом безбрежности книжного моря и под тяжким символическим бременем жестокого императива читать и прочитать всё. Байар призывает на подмогу своим не лишенным одновременно здравого смысла и провокативности тезисам великих нечитателей. Книга открывается красноречивым эпиграфом из Оскара Уайльда: «Я никогда не читаю книг, на которые пишу рецензию; они так влияют...». Уайльд решительно выступал в защиту литературных критиков, которых то и дело дежурно обвиняли в том, что они не читали рецензируемые книги. «Естественно, они их не читают, или, по крайней мере, не должны были бы читать. Иначе все они закончили бы убежденными человеконенавистниками... Читать книгу целиком, впрочем, нет никакой нужды. Чтобы определить марку вина и оценить его качество, вовсе не требуется выдуть целую бочку».

ЧТЕНИЕ МЕШАЕТ ПОНИМАНИЮ: ЗАПУТЫВАЕТ, ОСЛОЖНЯЕТ, ОТВЛЕКАЕТ ЛЕГКО ЗАПОМИНАЮЩИМИСЯ АНЕКДОТАМИ, НЕ ИМЕЮЩИМИ ОТНОШЕНИЯ К ДЕЛУ

Подлинным виртуозом нечтения был Поль Валери. В квартире его alter ego, господина Тэста, не было книг, и сам Валери снискал лавры признанного критика, едва пролистав отрецензированные им книги. Чтение уводит в детали, из которых уже не выпутаться. Только нечтение всего Пруста или Бергсона может гарантировать нам ясность осознания величия этих персонажей. Валери эксплицитно хвалит Пруста за то, что его можно читать на любой странице, – чего хватило проницательному читателю, чтобы понять: кроме нескольких отдельных страниц Валери Пруста и не читал.

Более сложным случаем представляется Мишель Монтень. За три с лишним века до фланеров по бульварам и страницам он задумался о недостижимости абсолютного чтения. Можно ли считать прочитанной забытую книгу? А если забыт и сам факт ее прочтения? А если – случай, пожалуй, наиболее частый – помнишь, что книжку читал, но кроме своей оценки и общего ощущения от чтения не помнишь ничего? Чтобы противостоять забвению, Монтень принудил себя к систематическому резюмированию прочитанных книг. И что же? Через несколько лет он не узнаёт в составленных когда-то резюме ни книгу, ни себя. Книга-то прочитана, но кем-то другим, его более молодым тезкой-однофамильцем. Хуже того: работая над «Опытами», Монтень столкнулся с тем, что в момент внесения новой записи в рукопись не уверен, что уже не писал этого. То и дело люди цитировали в его присутствии пассажи из его книги, о которых он, однако, не сохранил никакого воспоминания. Означает ли это, что он не читал сам себя? Конечно, нет. Просто «Монтень, забывчивый» (или «чудо забвения», герой ненаписанной новеллы Борхеса) забывает тексты других, потому что слишком хорошо усваивает, делает своим, и спешит забыть, «как если бы прочитанная книга была преходящим носителем

безличной мудрости». Свои же мысли он забывает, потому что уже записал и больше не должен удерживать записанное в памяти (знаменитый мотив платоновского «Федра»). Обретя в Монтене надежного соратника, Байар и названия некоторых своих собственных книг снабжает сиглой КЗ – книга забытая...

Идеал чтения (прочитать *всё* и запомнить *всё*) недостижим, но и попытки его – о! сколь частичного – исполнения оборачиваются тревогой за стабильность своего Я и угрозой форменного безумия: небольшое прочитанное не хочет лежать неразменной монетой в сейфе души, а норовит стереться, обменяться, потеряться. Пыл наивного преследования этого идеала может сильно охладить то обстоятельство, что и те, кто прочитал книгу (и, соответственно, те, кто говорит о книге, прочитав ее), не обладают ее полным слепком. Чтение вовлечено с самого начала в неумолимое взаимодействие с забыванием или – что, может быть, одно и то же – с невнимательностью. Нет и не может быть ровного абсолютного внимания во время чтения достаточно длинного текста. Забытое, может быть, никогда и не было прочитано как следует, но *всё* прочитать *как следует* просто невозможно. Ибо чтение мешает пониманию: запутывает, осложняет, отвлекает легко запоминающимися анекдотами, не имеющими отношения к делу (если делом считать интригу), или интригой – от дела (если делом считать стиль, письмо).

Свой анализ забывания и компенсирующих его механизмов Байар концептуализирует в понятии, которому, может быть, суждено большое будущее. Он предлагает вместо lecture говорить, скорее, о delecture. В возможном русском переводе – «разочтение» – появляется интересная коннотация *разночтения*, тогда как во французском слове присутствует призыв от delectation, «удовольствия, наслаждения» (почему-то то ли не замеченный, то ли не привлеченный Байаром). Так или иначе: во взаимные поддавки забывания и памяти вмешивается еще и третий персонаж – удовольствие. Даже в случае, когда мы, казалось бы, прочитали книгу, вовсе не исключено, а по сути даже неизбежно, что мы прочитали лишь книгу-экран (на манер фрейдовских «воспоминаний-экранов», или «экранирующих воспоминаний»), книгу, которую нашей «внутренней книге» было удобно, выгодно, необходимо вычитать из прочитанной книги, чтобы заслониться от книги неприятной или неудобной, которую создал автор. Мы фактически *написали* эту «книгу-экран», пользуясь как поводом вот этой, напечатанной.

Парадигматическую и гипертрофированную ситуацию такого экранирования автор находит в романе Эко «Имя Розы», в конце которого монах Хорхе обнаруживает, что ученый францисканец Вильгельм Баскервильский обладает весьма точным представлением о втором томе «Поэтики» Аристотеля, хотя его не читал. При этом точная версия получена путем ложных гипотез и неверных умозаключений. Книга-экран здесь максимально приблизилась к самой книге. В предельном случае мыслимо и точное совпадение: другой Хорхе, автор «Пьера Менара», позволил своему персонажу написать «Дон Кихота», – возможно, чтобы напомнить нам, в какой степени наши с вами (*не* гениального Пьера Менара, а нас, простых смертных) книги-экраны *отличны* от тех, что мы читаем.

Нам всем случалось читая забыть, забыть себя. Это даже взыскуемый эффект; признак интересной, увлекательной книги. Обратного эффекта мы не ищем, но возникает он от этого вовсе не реже – когда, читая, мы забываем книгу и читаем себя (свою жизнь, душу, тело, свою внутреннюю книгу). Думать о своем во время чтения, т. е. читать/писать какую-то свою сугубо индивидуальную книгу, – преступление ли это против автора или выполнение его собственного замысла? И разве можно читать по-другому? Разве мы не «помним» лучше всего как раз те книги, которые больше всего переиначили в памяти на свой лад? Это видно особенно по тому, как мы пересказываем любимые книги, особенно если уже не в первый раз. Часто новое, после многих лет, обращение к когда-то прочитанной книге разочаровывает: личная книга-экран была куда интереснее и как-то точнее написана. Чтобы далеко не ходить за примерами, уже и по этой рецензии видно, что различить написанное в книге Байара от тех наблюдений, на которые она меня навела, – невозможно и мне самому. Разве книга, которая не вызвала в читателе

никаких индивидуальных ассоциаций и размышлений, никак не изменила его, – выполнила свою задачу? Тожественность читателя самому себе подрывается самим процессом чтения. Кому не приходилось мечтать о книге, которая изменит жизнь и после которой всё пойдет иначе? Что же удивительного в том, что Я нынешний не совпадаю с Я несколько книг тому назад?

ВСЕ РАВНО, ГОВОРЯ О КНИГЕ, ГОВОРИШЬ О СЕБЕ, И НИКТО, ПО СУТИ, ДРУГОГО ОТ ТЕБЯ И НЕ ОЖИДАЕТ

Разделавшись с предполагаемой однозначностью смысла выражения «прочитать книгу», автор принимается за разбор ситуаций, в которых мы бываем принуждены обсуждать непрочитанную книгу, иметь мнение и высказывать его о книге, которую мы забыли/не читали. Здесь он тоже обращается к примерам из литературных произведений (тех немногих, которые просмотрел и не забыл). Герой романа Грэма Грина «Третий человек» Ролло Мартинс пишет под псевдонимом Бак Декстер дешевые вестерны, но будучи по ошибке принят за элитарного писателя Бенжамина Декстера, приглашен на обсуждение книги, о которой, разумеется, понятия не имеет. Во время обсуждения он называет своих литературных кумиров, к которым, естественно, утонченная публика испытывает брезгливое презрение. Он парирует: «А вы их читали?» Если учесть, что сам Мартинс не знает ни Пруста, ни Джойса, аргумент приобретает спасительную видимость симметричной справедливости.

В литературе встречаются и куда более сложные ситуации, в которых обстоятельства принуждают персонажей обсуждать то, что они не читали. Герои детектива Пьера Синьяка «Фердино Селин» Дошэн и Гастинель приглашены на телепередачу, посвященную новинкам книжного рынка, как авторы бестселлера. Они принимают приглашение, но почему-то норовят уклониться от разговоров собственно о книге. И немудрено: ни один, ни другой ее не писали. Неудачник Дошэн когда-то показал рукопись своего романа хозяйке пансиона, куда он, бездомный, пришел поселиться. Хозяйка, к тому времени написавшая другой роман, который она по некоторым причинам обязалась не публиковать, берется перепечатать рукопись. Перепечатывая, она полностью переделывает роман, сплавляя его со своим, при сохранении места, времени и имен некоторых персонажей. В итоге Дошэн не знает книги, автором которой себя искренне считает. Циничный же Гастинель навязал себя Дошэну в соавторы, шантажируя его сфабрикованным против него компроматом. Он-то книгу читал и знает, насколько она отличается от исходной рукописи Дошэна. Именно чтобы скрыть от Дошэна это отличие, он и требует, чтобы телеведущий спрашивал их о чем угодно, только не о книге, и охотно разглагольствует о других писателях, о продолжении романа, многие эпизоды которого подробно рассказывает.

Сюжет другой книги и вовсе возводит нечтение в доблесть. Дэвид Лодж в своем «Академическом обмене» («Changing Places») рассказывает об игре под названием «уничтожение». Роман Лоджа, кажется, положено прочитать уже всем, но если кто-то этого еще не сделал (а это совсем, совсем не стыдно), расскажу. Суть игры заключается в том, что в компании каждый по очереди называет очень известное произведение, которое он, однако, не читал. Сколько других членов компании его читали, столько очков и получает называющий. Таким образом, выигрывает тот, кто не читал что-то оголтело популярное и всеми заведомо читанное. В лице доцента английской литературы Рингбаума нашла коса на камень: он и панически боится выказывать свою неосведомленность, и обожает выигрывать. Именно в «уничтожении» эти два императива сплетаются в суровый double bind. На очередной вечеринке с коллегами, когда доходит его очередь, он называет... «Гамлета». Компания, конечно, дружно ему не верит. Ну, это как если бы профессор русской литературы заявил, что не читал «Ревизора»: дело-то происходит на филфаке английского университета. Рингбаум принимается уверять, что видел фильмы и спектакли, но текста не читал, – ничего не помогает, ему не верят. Он обижается, хлопает дверью. Инцидент тем не исперчивается, потому что три дня спустя факультетская комиссия

отказывается продвинуть его по служебной лестнице и тарифной ставке: никто не решается произвести в профессора английской литературы человека, не читавшего «Гамлета».

Согласно тонкому анализу Байара, трансгрессия Рингбаума состоит вовсе не в том, что он не читал какого-то произведения, пусть даже и Шекспира. Он нарушил конвенцию, состоящую в *сохранении двусмысленности*. Никто не требует, чтобы ты прочитал и помнил всё, но не нужно опускаться до дихотомии «читал – не читал», лишая себя и, главное, других всякого «допуска», всякого пространства для маневра. Иначе универсум игры и разговора (которым является мир культуры) превращается в мир истины-лжи, а значит надзора и контроля. Школьный учитель литературы, конечно, должен проверять, действительно ли читал ученик изучаемое произведение, но было бы абсурдно в нашей взрослой жизни примысливать тень Большого Другого, который читал и помнит всё, и который постоянно нас экзаменует. Жить в присутствии такого тиранического абсолютного читателя с розгами означает, среди прочего, считать книги некими замкнутыми и окаменевшими конструкциями, не зависимыми от постоянно меняющегося положения в универсальной и коллективных библиотеках, во «внутренних библиотеках» своих читателей, наконец, от речевых реакций в ходе обсуждений этих книг. Именно в разговоре о книгах и по их поводу возникает то, что Байар называет книгами-фантомами – эти эфемерные силуэты, порхающие, как тени на пересечении высказываний, книг-экранов и наших внутренних книг. Как правило, мы говорим о книгах не ради них самих, а в конкретных обстоятельствах разговора и в целях, ими диктуемых. И книги-фантомы неизбежно воздействуют на «сами» книги, собирают их по-другому.

Став объектом рецензии, книга временно уступает бытие также своего рода фантому, только менее эфемерному, так как, в отличие от простого трепы, закреплённого полиграфией. Разница между книгой опубликованной и книгой рецензируемой может быть гигантской: «критический текст относится к самой книге не более, чем флюберовский роман – к реальности». Все тот же Уайльд считал литературную критику единственно приемлемой формой... автобиографии. Все равно, говоря о книге, говоришь о себе, и никто по сути другого от тебя и не ожидает.

Поэтому, заключает Пьер Байар, «если на то хватает смелости, нет никакого резона скрывать, что не читал той или иной книги, и ни к чему при этом воздерживаться от высказывания мнения по ее поводу». Если наилучший способ говорить о себе – это говорить о книгах, то, вероятно, и наилучший способ говорить о книгах – это говорить о себе. Разговор же о нечитанных книгах открывает уникальную перспективу: «Помимо возможностей познания самого себя, говорение о нечитанных книгах помещает нас в самое сердце творческого процесса, даруя субъекту этого говорения сакраментальное мгновение отделения от самого себя и от книг, когда читатель, освобождаясь, наконец, от речи других, обретает в самом себе силы на то, чтобы изобрести собственный текст и самому стать писателем». По сути, Байар выступает против однозначности и нерушимости альтернативы «(активное) творчество – (пассивное) потребление». Свою задачу педагога он видит в том, чтобы показать студентам, что книга заново придумывается при каждом чтении. «[Филологическое] образование не справляется с десакрализующей ролью (которая, однако, на него возложена), и поэтому наши студенты не позволяют себе *придумывать книги*. Будучи парализованы преклонением перед текстом и запретом что-либо в нем менять, принужденные заучивать его наизусть или знать, что он „содержит“, большинство студентов утрачивают внутреннюю способность к отвлечению и запрещают себе обращение к собственному воображению...». Мир творчества закрывается перед ними как раз в тот момент, когда им кажется, что они «знают литературу».

П. В. Кузнецов. набросок. *Публикуется впервые*

Будем надеяться, что бодрящую книгу Пьера Байара скоро смогут прочесть и русские читатели.

Только не нужно ждать этого момента, чтобы начать говорить о ней!

КРОХИ

Свежий доклад американского Национального Художественного Фонда (National Endowment for the Arts) нелицеприятен: 53% американцев не прочитали в прошлом году ни одной книги. Что само по себе и не ново. Ново другое: причина того, что американцы – не читатели, кроется, оказывается, в том, что они писатели. В 2007 году в США было опубликовано (или дистрибуировано) 400000 книг (против 300000 в 2006). Отмечается рост по экспоненте книг-по-требованию (print-on-demand, например, на BookSurge) и индивидуальных репринтов уже раскупленных изданий. Основанная в 1999 году компания самопубликации iUniverse печатает 500 названий в месяц, с ежегодным приростом в 30%. Множатся мастерские, ателье и мастер-классы по «творческому письму», не считая блогов, которых рождается в мире, если верить одному специализированному исследованию, 175000 ежедневно. В Штатах лозунгу «пиши и самореализуйся» следуют в той или иной форме примерно 15 млн граждан. Грядущему – и пока гипотетическому – «поколению читателей» будет что полистать на досуге.

Я не только не умерла, но даже никогда не была блядью, спавшей со всеми подряд. Следовательно, мой сын – брехло. Вот так, вкратце, можно резюмировать разногласия г-жи Люси Секальди со своим сыном, Мишелем Уэльбеком, сформулированные в ее последней книге *Невинная* [*L'innocente*, Scali 2008]. Мишель порвал с матерью из-за разных взглядов на 1-й конфликт в Персидском заливе. Но у разрыва была и прелюдия: мать очень рано передала свое чадо на воспитание своей свекрови, чью девичью фамилию, Уэльбек, Мишель в знак благодарности сделает своей. У Люси впереди было покорение горных вершин, экзотических стран и мужских сердец. Тут не до детей. Пятьдесят лет спустя мама настроена почти примирительно: «С моим сыном я заговорю в тот день, когда он выйдет на площадь [Сенная сгодится? – примечание *Пушкина*] со своими *Элементарными частицами* в руках и скажет: „Я врун, самозванец и паразит. Я ничего в жизни не совершил, кроме зла окружающим. И я прошу прощения». Надолго миролюбия у мадам Секальди не хватило: «Мой сын? Да е... ись он как и с кем хочет! Пусть даже книжку новую напишет, мне абсолютно наплевать. Но если он опять меня туда сунет, я ему точно все зубы выбью. Ни Фламарион, ни Файар [издатели М. Уэльбека] меня не остановят».

По случаю 100-летия со дня рождения Симоны де Бовуар авторы документального фильма «Я хочу от жизни всего – Свобода, согласно Симоне де Бовуар», Паскаль Фотрие и Пьер Сеген, пригласили видных французских интеллектуалов высказаться о роли, которую сыграла в их жизни ее книга «Второй пол». Опубликованная в 1949 г., она произвела эффект бомбы, отчасти замедленного действия. Через личные признания возникает панорама феминистской революции, произошедшей за истекшие полвека с лишним. Фраза «Женщиной не рождаются, ею становятся» изменила жизнь целому поколению женщин. Доступ к труду, политике и контрацептивам были бы невозможны без этой эпохальной книги. «Мои претензии к Симоне де Бовуар состоят в том, что (...) мне не дали возможности прочитать ее вовремя», – писала в блестящей рецензии Мария Арбатова десять лет назад, еще в *том* «Пушкине», по поводу выхода «Второго пола» по-русски (пер. А. Сабашниковой, И. Малаховой и Е. Орловой, вступ. статья С. Айвазовой, коммент. М. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997).

Дирекция Google сообщила, что автономный европейский филиал под названием GooglePrintBook. Inc, создаваемый совершенно случайно в Майнце, на родине Гутенберга, полностью возьмет на себя печатную продукцию фирмы (примерно полсотни названий в год).

Ее директор Эрик Шмидт сообщил в интервью, что есть желание, чтобы человек, ищущий литературу на Google Book Search, находил там и собственно гугловские книжки. Две первые серии посвящены использованию интернета (PracticeGoogle) и практическим инструкциям по жизни (HDG, то есть Happy Day with Google).

Вдохновленная примером региональных Экспериментов во Франции (Валь-де-Марн) и Великобритании (Манчестер), Швейцария развернула национальную кампанию «Рожденные читать». Теперь каждый рождающийся здесь ребенок (а их за 70 тысяч в год) будет получать набор детских книжек и контактный адрес ближайшей детской библиотеки.

Владимира Набокова заставили, наконец, сказать последнее слово. Готовится к изданию его роман «The Original of Laura», «Лаурин подлинник», или «... оригинал». Он был записан, как и большинство рукописей, карандашом на отдельных карточках, растасовать которые автор так и не успел. Зато в лучших литературных традициях завещал сжечь их. После тридцати лет колебаний и консультаций сын писателя решил нарушить завет автора. Роман о смерти и о ветреной женщине. Еще вернемся к нему. Если карты лягут.

«Книга пережила интернет, самопринт, Librie и прочие eBooks... Ожидается, что она переживет и Kindle (от слова „возбуждать“, „воодушевлять“), который предлагает Amazon за 400 у. е. (против 280 у. е. за Sony Reader). Технология Kindle позволяет загрузку книг, журналов и газет, минуя компьютер. К нынешнему моменту в немедленном доступе находятся более 90000 книг, журналов, газет и блогов. За сумму от 10 до 15 у. е. в месяц можно подписаться, к примеру, на *New York Times*, *Wall Street Journal*, *Monde* или *Frankfurter Allgemeine*. Ряд технических и дизайнерских изъяснов позволяет, однако, «надеяться», что слухи о бесповоротной смерти книги и на сей раз окажутся преувеличенными.

ПОКУПКИ

Книжные покупки Модеста Колерова²

Да, читать просто некогда. Но плох тот культурный человек, кто не покупает книг, исходя вот бы хоть из самых фантастических предположений о возможности чтения: будь то надежда на пенсионный покой или предпостельный досуг, на молниеносную справку или езду в метро-поезде-самолете. Плох и тот, кто, покупая, не прореживает своих домашних пространств, вычищая из них дубликаты, цензурованные советские полуиздания, мусор, историографическую плесень, книги с дарственными надписями тех, о ком благодарная память иссякла, истощив нужду в хранении памятных знаков.

Но ведь и с рецензиями просто беда! Держа в уме правильный стандарт того, какой должна быть полноценная академическая или культур-критическая рецензия, рискуешь остаться вообще без рецензий: ибо почти никто не способен теперь, рецензируя книгу, дать краткий отчет о ее литературных и издательских предшественниках, бегло набросать очерк соответствующей дисциплины в ее буйном развитии за последние десять лет. Не способен кратко очертить творческий путь автора вообще и в избранной теме в частности, еще короче остановившись на всех предыдущих рецензиях на его труды и признании особого вклада автора в тематику и проблематику, Глубоко и подробно внедриться в главные сюжеты сочинения, поспорить по поводу каждого, найти уйму блох и описок, привлечь к полемическим исправлениям новые заграничные исследования и свои собственные разыскания, Разругать вдрызг, Похвалить неумеренно. Изящною фразой утешить издателя за хороший дизайн, Посетовать на тираж, катастрофически малый в сравнении с трудами неприятеля, Никто так не может теперь, Потому и мне не стоит пытаться.

Уже не спорят, что научная истина не устанавливается голосованием и большинством голосов, Почти все уже согласны, что таков же и механизм установления истины сексуальной, Но вот с рыночной истиной – непреодолимая беда. Не считать же рыночной правдой большое число экземпляров книги «А», проданной по цене спичечного коробка после рекламной кампании с бюджетом в несколько миллионов долларов, Покупатель – всегда жертва. И не всегда жертва рекламы. С книгами получается так, что их покупатель чаще всего становится жертвой себя самого, своих воспоминаний, ролевых игр, глупости. Так и ходишь вдоль витрин, шараясь от своих собственных отражений.

² Продолжение, Начало см.: Книжные покупки // *Логос*. М., 2000, N 5/6(26) С. 176–187; Книжные покупки – 2 // *Логос*. М., 2001, № 2 (28), С. 203–214.

Модест и Филипп Кколеровы. Книжная полка, 2006–2008

*Нерушимый союз Берии и Сахарова
Убийство Баумана
Джентльмен без лица
Эмиграция против воли
Химия на посту
Философия на службе*

Никита Петров, Марк Янсен. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. 447 с. Тираж 2000 экз.

Не успела выйти в свет полноценная биография самого известного и результативного (по количеству расстрелянных) сталинского палача, секретаря ЦК вкп(б), главы НКВД Николая Ежова,³ как в конкуренцию ей появился описываемый труд. И я, признаться, полгода останавливал себя от поверхностного чтения: ибо и классик-исследователь сталинизма Н. Петров и тоже заслуженный исследователь грустной судьбы оппозиции в СССР М. Янсен, казалось, вряд ли могли значительно дополнить сделанное Павлюковым, столь же фундаментально выполненное по архивам. Главным у Павлюкова, помнится, было детальное разоблачение лжи Ежова о своей революционно-пролетарской биографии (особенно вокруг Путиловской стачки) и описание механизма эскалации Большого Террора 1937–1938 годов. Павлюков (и Петров с Янсенем) солидарно отбросили лишнюю брезгливость в отношении политически фальсифицированных «дел» и «допросов», в которых Сталин конструировал разнообразные подпольные заговоры. И правильно сделали: кроме легко вычисляемой политической лжи, в них изобильны предельно откровенные данные о кланах, связях, образе досуга и службы властных большевиков.

Теперь могу сказать осмысленно: Петров и Янсен тоже не проиграли. Они, конечно, удвоили объем своего труда за счет приложенных документов, об осмысленности некоторых из коих можно спорить, но вменять им в вину такое удвоение нельзя. Оные господа, идя самостоятельно, но следом, прошли свой путь не зря.

Они хирургически описали восхождение, апогей и механизм заката доверенного сталинского палача (этот механизм у них прописан рельефнее, чем у Павлюкова). Плоды этой карьеры в цифрах: в Большом Терроре с начала 1937 по январь 1939 было репрессировано около 1500000 человек, из них 700000 расстреляно, 800000 отправлены в лагеря. Хотя по первоначальному плану Сталина стояла задача арестовать 270000 и расстрелять из них 76000. Параноидальная логика зачистки в те же годы районов будущей войны от национальных «пятых колонн» (поляков, немцев, латышей и др.) вылилась в то, что в таких «национальных операциях» пропорция убитых была уже иной: 250000 расстрелянных на 340000 арестованных (из общего числа жертв Большого Террора). Нет сомнений: «палачи сами становились жертвами», и страдания палачей и вдохновителей палачей из «Дома на набережной» от рук своих сослуживцев затмили национальную трагедию 1937 года. Это несоответствие литературного плача старых большевиков и их потомков масштабам террора неизменно подпитывает ревизионизм адвокатов Сталина, равно как и его ненавистников. Но совершаемый авторами простой подсчет – из всех репрессированных в 1937–1938 гг. было всего 10% членов ВКП(б) – посрамляет тех и других: как бы ни были искусительны формулы о том, что посредством Сталина-Ежова «революция пожрала своих отцов и детей» (или что именно тогда ЧК в самоистреблении покончила со своей латышско-еврейской историей, превратившись в «национальную силу»), для народа цена этих межпалаческих игр десятикратно выше. В чем и состоит наука: историческая и моральная.

Существует и иной исследовательский пункт, в избытке представленный в ревизионистской литературе: что-де, либо НКВД увлеклось, либо местные партийные органы увлеклись террором (они часто требовали больше расстрелов, постоянно увеличивая «лимиты» НКВД), сводя свои межведомственные счета. Петров и Янсен дают этому краткое опровержение: «Расхожий вывод о том, что в 1937–1938 годах органы НКВД вышли из-под контроля партии, не является обоснованным» и доказывают, что все принципиальное, в том числе персональные расстрельные списки на 39000 человек, контролировалось лично партийным вождем Сталиным (да и, напомним, Ежов параллельно был секретарем ЦК), Это указание на личную унию

³ Алексей Павлюков. *Ежов: биография*. М., 2007.

НКВД и ВКП (б) – Сталина и его орудия Ежова, тем не менее, не звучит убедительно. Диктатор Сталин не может выступать ведомственным представителем партийной вертикали в отношении вертикали НКВД. Точнее сказать, явленная в этой вертикали центральная власть с избытком истребила и потенциальную военную оппозицию, и самостоятельность промышленных и партийных, центральных и местных кланов. Правда, ненадолго.

Описывая личность Ежова, авторы из приведенного ими материала также могли сделать поверхностный вывод об особой связи Ежова с советской культурной элитой: ведь постоянными гостями домашнего салона жены Н. И. Ежова в 1930-е гг. были Лев Кассиль, Самуил Маршак, Исаак Бабель, Леонид Утесов, близко она общалась с Н. Я. Мандельштам. Но сей вывод о Ежове они не сделали. Это мы можем кое-что записать в свои знания о подсоветской элите, не чужавшейся не только теоретически-философских, но и практических палачей.

В этом контексте особый цвет приобретает детально развернутое авторами наблюдение: Ежов – этот некогда тихий и участливый карлик, ставший садистом – последовательно уничтожал всех, кому в прошлом был чем-то обязан, кто помнил его другим, кто напоминал ему о матери-литовке и деде-поляке (Ежов свободно, как на русском, говорил на польском и литовском). Авторы не могут дать иного объяснения этому чуду, кроме как назвать его полноценным продуктом «сталинской тоталитарной, террористической и бюрократической системы». Объяснение корректное, но какое-то беззубое.

Предшественник Ежова в НКВД Ягода и добрый его знакомец, теоретик массового насилия Бухарин под следствием, как известно, особо выговаривали себе сохранение жизни в обмен на любое признание. Авторы приводят свидетельство о том, как экзистенциально заставил их пережить это Ежов: «В присутствии Ежова Ягоду расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных». В свою очередь, заподозренный в содействии шпионажу и, наверное, более не столь необходимый как палач, Ежов тоже просил сохранить ему жизнь.

Авторы новаторски вычисляют апогей политического влияния Ежова в мае 1938 года, буквально за два месяца до начала его падения, когда в политической риторике СССР он стал третьим по влиянию после Сталина и Молотова (зри, политический бюрократ, на свою судьбу). Но вот чего не хватает этому исследованию, так это внятного контекста. Сужу об этом не с точки зрения дикого читателя, а с позиции тоже-ревизиониста: например, звучит в описании пути Ежова слепой термин «правая оппозиция» (истребляемая НКВД), но ни слова не только о том, кто был зачислен в нее Сталиным (это можно почерпнуть и из «Краткого курса истории ВКП(б)»), но и том, когда именно в идее и практике возник сам проект ее истребления, что хронологически важно для оценки востребованности того же Ежова. Так здесь и во всем – минимум контекста, максимум сухой линейной судьбы.

Два слова об издателях: Павлюкова издал Захаров, Петрова-Янсена – РОССПЭН вместе с Фондом Ельцина: в совместной хорошей серии полноценных исследований по истории сталинизма (они успешно дополняют документальную сталинскую серию фонда «Демократия», начатую А. Н. Яковлевым, и даже уже затмевают ее).

Д. И. Менделеев. *Познание России. Заветные мысли*. М.: Эксмо, 2008. 688 с. Тираж 5000.

«Шеф-редактор проекта» издательства «Эксмо» Маргарита Приз – учинившая титанический труд соединить в одной книге две классические работы русского энциклопедиста, умышленно переврав название одной из них («К познанию России»), и столь же титанически уснастив переплет тома пошлой развлекухой «а-ла русс» из репродукций хороших русских художников, превратив их в мутные цветастые клейма, – сделала все-таки полезную работу.

Для мелкой справки искал памятные мне крохотные переиздания «К познанию России» начала 1990-х годов, толкался в книжных супермаркетах, унавоженных тем, чем они унаво-

жены обычно, торкался в редкие умственные магазины в тайной надежде. Напрасно. Теперь «шеф-редактор», похоже, сама того не зная за занавесками «а-ла рюсс», дает публике двухкилограммовую книжную гирию. В ней – редкостный для нынешнего времени экономический и публицистический пафос великого химика, который ударился оземь, – и в свободное от гениальности время придумал не только стандартную русскую водку, о чем алкорынок нас просветил, но и прямо проник в задачи нефтедобычи, рассчитал плотность населения и производительных сил, начертил новый проект административного деления России, едва ли не на смертном одре пророчески предупредил: смотри государство в Сибирь, делай там свой государственный центр (возле Омска), иначе потеряешь больше, чем можешь позволить себе потерять. Менделееву было легко разговаривать и конфликтовать с сильными: на что ни посмотрит, всюду видится ему новый стратегический разворот – будь то керосин, будь то уголь, будь плодородные почвы. Младший современник Менделеева, правый публицист (расстрелянный за публицистику ранними большевиками) Михаил Меньшиков итожил в «Памяти Д. И. Менделеева» (1907): «отрываясь от лаборатории, писал о стеклянном производстве и маслостроительном деле, о технике земледелия, о муке и крахмале, о вазелине и винокурении, о химической технологии», «о школе для учителей и поднятии уровня Азовского моря, погружался в таможенный тариф и в колоссальный материал переписи», «ездил в Закавказье, в Пенсильванию изучать нефть, в Донецкую область изучать уголь, мечтал об открытии Северного полюса, летал на воздушном шаре и изучал спиритизм»...

Интегральный пафос тогдашнего позитивного, естественно-научного знания и одновременно государственного и экономического проектирования, близкий вот хоть и В. И. Вернадскому, – конечно, плоть от плоти XIX века, а то и глубже, но именно и на нем тоже стоит то исторически неотменимое в сталинизме и послесталинском коммунизме, что напрямую довело Вернадского из XIX века в 1942 год – число инициаторов советского атомного проекта.

Современные умные уже не хотят чувствовать за собой дыхание истории и энциклопедизма. Стоит им увидеть в телекартинке подряд несколько новостей на избранную анонимным редактором тему – как в мозгу их уже готова очередная всемирно-историческая теория (со сроком годности не более 10 лет). Уже готов очередной «флюс» вроде Фукуямы (Закария, Ханна), объявляющим, глядя в зеркало в припадке американского солипсизма, новый конец света, прогресса или знания. Над таким скоро не просто будут смеяться. Их будут бить в лицо.

Мир, оказывается, и не съезжал с «целостного знания», только прятал либо свою религиозность, либо свою политическую ангажированность. Вот великий химик не прячет – сегодня он был бы не только государственным, но и империалистом.

Нам, химикам, многое в истекшие годы выбило общественный пафос и не ограниченные химией мозги, хотя нам, химикам, есть многое что рассказать, пока очередной партийный призыв обнаружит, что и он «разговаривает прозой». Во-первых, можно ли быть империалистом, не думая про уголь и керосин? Во-вторых, надо ли быть обязательно империалистом, зная, что агрессивные зомби вроде «Великой Румынии», «Великой Финляндии», восстановленной Речи Посполитой, были продуктами юношеского национализма и немедленно закончились вместе с нацизмом, чтобы начаться теперь, в дни рискованной игры с антирусским национализмом?

Константин Батынков. Проект «Москва», 2008

Спасибо «шеф-редактору» – следя и за внутренней оснасткой тома бессмысленными черно-белыми фотогравюрами, не помешала она появиться внутри книжной гантели само-ручно составленной библиографии Менделеева, некоторым мемуарам, приложениям и т. п. Вот в автобиографической хронике пишет химик за год до смерти: «Стал приводить книги

и бумаги в порядок – это очень меня занимает перед смертью, хотя чувствую себя бодро... Денежные дела привел в порядок, как к смерти».

От такого веет редкостной вечностью, которая на деле всегда – вовсе не камень какой-нибудь или таблица элементов, а знающая свой маневр личность. До которой всегда легко дотянуться. Вот, например, мемуарящий в книге сотрудник и увековечиватель Менделеева А. В. Скворцов (1885–1961) – до смерти директор его музея, или старшая дочь химика О. Д. Менделеева-Триродова (1868–1950) – я совсем немного не дожил до них в обратную сторону. А старшей дочери Плеханова, лично знавшей Энгельса, Лидии (1881–1978) – просто современник.

И. Л. Волчкевич. *Очерки истории Московского Высшего технического училища*. М.: Машиностроение, 2000. 240 с. Тираж 2000 экз.

Запоздалые покупки, как поздние дети: им вменяешь столько надежд, что выдержать и оправдать они просто не в силах. Мало ли, что ты там прежде не дочитал или не долюбил – каждый хочет быть дураком собственного производства. Эта книга – память о короткой жизни в Новом Лефортово – по эту сторону от реки Яузы, за которой, на той стороне уже начинаются казармы и прочий немецкий быт. По эту же сторону – Бауманский технический университет (он же в прежнее время – Высшее техническое училище), следы русско-немецкой жизни в названиях переулков Гарднеровский, Аптекарский, Бригадирский, Старокирочный (кирха не сохранилась), Разгуляй, Старая и Новая Басманная... В конце века здесь – гремучая смесь пролетариата ткацких фабрик и технической интеллигенции. Возле морга и ныне – бывшее здание полицейской части – akurat к месту событий. Внутри этой смеси – мой юный герой, преподаватель этого Технического училища молодой марксист-экономист Сергей Николаевич Булгаков...

Константин Батынков. Проект «Москва», 2008

Чуть рядом – Елоховский собор, в сторону Разгуляя – сквер имени Николая Баумана (за спиной – метро Бауманская, улица такая же), раннего большевика, убитого поблизости в 1905 году «черносотенцами». Бауман остается для меня светлым человеком, когда борьба за свободу еще не очень различала Милюкова и Сталина, министра Святопол-Мирского и провокатора Азефа. Освободительный консенсус словно освящал и провокатора, и бюрократа, и бомбиста, и абрека, и такого, кажется, ничем не омраченного красавца, бородатого русского немца – Николая Эрнестовича Баумана. Помню, в одном из архивов без нужды, из сочувствия, заказал посмотреть личные письма Баумана – и ничего не понял, сплошь конспиративный текст. Но рука живая.

И вот прибыл, выйдя из Таганской тюрьмы, в 1905 году в Новое Лефортово к местному пролетариату Бауман. На следующий день после царского манифеста 17 октября, даровавшего гражданские свободы, он, как полагается, выступил на митинге во дворе училища и, организовывая массы, с красным знаменем в руках подошел к группе рабочих: здесь, на перекрестке Немецкой (ныне – Бауманской) улицы и Денисовского переулка и убили его. Пропагандисты быстро заклеили убийством кровавый режим – обвинение «черносотенцев» вошло в подкорку.

Про 1905 год еще одно метро – Добрынинское (в честь революционера Добрынина), но оформлено оно так, такими древнерусскими архитектурными закомарами, что всяк человек думает, что дело не в революционере Добрынине, а минимум – в Добрыне Никитиче. Вот кажется, что все-таки 1905 год – при всей нынешней фальшивой, безмозглой и невежественной царелюбивой ревизии – это еще не испорченная практическим социализмом и либерализмом свобода, за которой в русской культуре обнаруживаются не только Некрасов и Толстой, но и романтическая былинность.

Многие мемуаристы свидетельствуют, что похороны Баумана – здесь же, с выносом гроба из здания училища (где, кстати, заседал и московский комитет большевиков), стали вторым главным общественным событием 1905 года после расстрелянного «кровавого воскресения» в январе 1905: но тогда на поклон к царю во главе с Талоном в Петербурге вышло юо тысяч человек, а теперь в Москве, в октябре 1905, на похороны «убиенного от царя» – до 300 тысяч. Паралич власти был таков, что полиция согласилась с переговорщиками, что революционные «общественники» сами будут охранять демонстрацию без полиции, чтобы она не «раздражала» траур. Так и было сделано.

Что же книга? Про Булгакова в ней ничего нет. Но эта купленная мной история (Бауманского) Технического училища, помимо экспозиции жизни учебного заведения с 1763 по 1945 год – дает прямой ответ на легенду об убийстве Баумана. Его убил не «черносотенец», а полноценный рабочий местной фабрики Щаповой, кучковавшийся с собутыльниками на том самом углу Денисовского и Немецкой, товарищ Михальчук – в висок водопроводной трубой. Незадолго до этого Михальчук подошел к хозяину булочной (не в ней ли, на углу Немецкой и соседнего Аптекарского я пять лет покупал хлеб) и сказал: «Дай-ка мне на полбутылку водки, я за твоё здоровье выпью, да еще какого-нибудь забастовщика убью». Булочник дал ему 20 копеек. «За вычетом стоимости выпивки можно считать, что Михальчук убил Баумана всего за несколько копеек», – калькулирует И. Л. Волчкевич.

А. В. Малинов. Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб, 2005. 216 с. Тираж 500 экз.

П. Г. Виноградов (1854–1925) – формально историк-медиевист, но нельзя было быть в старой России историком, не будучи историком права, методологом, публицистом и критиком

одновременно. Вот он и не был таким, а был синтетическим гуманитарным энциклопедистом, живой иконой европейского знания уже в конце XIX века. Вокруг него строили куры молодые оппозиционеры и революционеры, его личным секретарем был другой классик – М. О. Гершензон (пользуясь именно этим, П. Б. Струве заманивал Виноградова в свой марксистский журнал). Именно в переписке с классическим социал-либералом В. И. Вернадским Виноградов жестко провел грань между собой и проектом идеалистов в 1902 году. Планируя сам передать в «Проблемы идеализма» свою статью «О научном мировоззрении», которую высоко оценили С. Н. Трубецкой и П. И. Новгородцев,⁴ Вернадский в письмах Виноградову выступил в защиту некоторого надпозитивного идеализма – и получил от него тяжеловесный афронт и подтверждение правоты едва ли не архаичного Конта вкупе с осуждением всяческого идеализма как скользкой дороги к мистицизму и политической реакции. Не случайно треть объема «Проблем идеализма» поглотила монография другого великого историка А. С. Лаппо-Данилевского – оного Конта преодолевавшая силами самого Конта. Вот гремучая смесь противоречий.

И трудна задача А. В. Малинова – написать книгу не об арьергардном бойце позитивизма, классике русской англomanии, квинтэссенции мотивов и традиций, а – вопреки всему – написать бесконфликтный твердокаменный текст, притягивая за уши один хронологический пласт к другому (или, наоборот, глубокомысленно реферируя: «Там же. С. 1; Там же. С. 2; Там же. С. 3; Там же. С. 4; Там же. С. 5»), текст, жестокосердно разбитый на «методологию», «правоведение», «социально-историческую концепцию», пресного «русского европейца» и даже «русскую проблему». И решил эту безумную задачу Малинов! Убил классика. Удалось то, что не удалось многим его современным предшественникам, посвятившим изрядные труды Виноградову.

Внутри каждого раздела книги Малинова – практически вне эволюции и вне интеллектуального контекста выстроена якобы «внутренняя логика» виноградовского знания. Писатели так привыкли живописать «систему творчества Довнар-Запольского», что и мысли допустить не могут, что системы такой нет или что она родилась, да не устояла. Или что на каждый предмет у автора была своя система. «Вторая идея многофакторности и как бы продолжая ее логику, прогресс и тенденции исторического движения рассматриваются как развитие в одном направлении нескольких базовых социально-исторических характеристик... „Не будем придирааться к «тенденциям... в одном направлении“, но разве во время Виноградова, начиная с его почти одногодка П. Н. Милюкова, кто-то думал иначе? Нельзя ж пропедевтику выдавать за систему, свой реферат – за чужую систему. У историков найти сформулированную систему непросто – особенно политически активных и позитивистски сдержанных.

И политическая «русская проблема» с ее апологией, страшно сказать, «великодушного идеализма» от Толстого и Вл. Соловьева – у ставшего классиком английской науки медиевиста Виноградова, вынужденного эмигрировать из России еще от царя, но от большевиков уже перешедшего в британское подданство, похоже, действительно легко отчленима от его науки.

Но чтобы именно Виноградов «открыл» такие виды исторической обстановки, как географию и этнографию... Сдается мне, исследователю мысли уже неприлично искренне верить в «самозаконную свободу творчества». И нельзя на полном серьезе полагать, что просто из пересказа конкретного исторического исследования, без герменевтики, можно изъять его «методологию», не рискуя здравым смыслом. Ведь не верит же автор, на самом деле, что признание Виноградовым исторического характера знания (в его время, в его науке) – есть часть его «концепции», что баланс «естественного» и «исторического права» – его изобретение или новое слово.

Боюсь, бронированный ползучим и непросветленным позитивизмом труд А. В. Малинова обречен стать библиографической ссылкой, а не книгой. Вот издали сейчас энтузиасты труды

⁴ Б. И. Вернадский. О научном мировоззрении // *Вопросы философии и психологии*. 1902, Кн. 65. С. 1409–1465.

Виноградова⁵ – изволь сошлись теперь на Малинова: не ссылаются, ибо не на что. Но читать это нельзя и пользоваться этим почти невозможно. Насыщенный цитатами текст – как лес, в шахматном порядке застроенный свежесажеными деревьями: вроде все живое, но все не то. Виноградов сам заблудился бы и не узнал себя в этом лесу.

М. И. Ростовцев. *Политические статьи* / Сост. К. А. Аветисян. СПб.: Наука, 2002. 208 с. Тираж 3000 экз.; М. И. Ростовцев.

***Избранные публицистические произведения. 1906–1923 годы* / Сост. И. В. Тункина. М., 2002. 192 с. Тираж 1000 экз.**

Еще один англоман, историк-древник, политический эмигрант, активный политический человек и практический противник большевизма, признанный Западом классик науки – М. И. Ростовцев (1870–1952). Он получил от современных исследователей целых два памятника его публицистической мысли. Обе книги по содержанию почти не пересекаются и дополняют друг друга. Содержанием своей агитации и пропаганды на 99% пересекается с общим публицистическим фоном сам Ростовцев. Фактически и психологически точно, справедливо, оправданно – до большевиков он был за свободу, после большевиков – против большевиков от имени «цивилизованного человечества», неизбежно отмываемого от грехов ради публицистической схемы. Все у него правильно, но животной-монотонная, простая ненависть к большевикам убила в великом ученом даже посредственного публициста. Безыдейные агитки такого рода не могут быть стабильным явлением для любого автора: после короткого срока годности их пафоса и недолгих лет их тиражирования умирает либо автор (как мыслящая единица), либо его пропагандистский хлам (как часть его творчества). Неслучайно уже в 1923 году Ростовцев не только завязал с публицистикой, но и вообще завязал с публичным переживанием политики. Перегорел. И как раз тогда, когда самым неотменимым образом перед каждым русским мыслителем встала историческая и политическая тема – чему учат большевики и их эволюция?

Как избавить страну от большевиков, не избавив ее от самой себя? Медиевисту Виноградову, видимо, проще было адекватно смотреть на эти вещи, чем археологу-скифологу Ростовцеву. Очень, наверное, не хотел археолог смириться с судьбой своей цивилизации – и умереть без какой-либо надежды на свободу своей Родины. И ее новые проблемы.

***Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923* / Сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М.: Русский путь, 2005. 544 с. Тираж 3000 экз.**

В прежние годы сказал бы: *так закрывают тему навсегда*. Имел бы в виду, что – после этого циклопического труда профессиональных историков-архивистов – некогда по бедности привечаемые сочинения про «философский пароход» (несколько пароходов и других транспортных средств), на котором Советская власть выслала из страны двести недостаточно лояльных, но достаточно влиятельных среди интеллигенции деятелей культуры, общественности и высшей школы, больше не смогут рассчитывать на читателя. В ней, двадцатилетней давности публицистике, с опорой на эмигрантскую прессу и мемуары, была дана емкая риторическая формула: авторитарный большевизм, строя тоталитаризм и идеократию, не терпел разномыслия – и изгнал властителей дум. Соль земли, пощажённая судьбой, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, И. А. Ильин и другие, расцвела в зарубежье. Россия погрузилась во мглу. Ленин оказался благодетелем.

Составители этого труда в документальных подробностях воспроизвели кухню и логику этого мероприятия, показав, насколько систематически, но и творчески, подошли к делу боль-

⁵ П. Г. Виноградов. *Россия на распутье: Историко-публицистические статьи* / Сост. А. В. Антощенко. М., 2008.

шевики: изучили материал, привлекли рецензентов, составили списки, подсократили их по просьбам просителей, проинструктировали высылаемых, выслали.

Из опыта высылки можно сделать несколько предварительных выводов (не могу сказать, что именно этот корпус документов убеждает меня в этом, но он пока и не разубеждает меня): (1) решено было выслать вовсе не только «властителей дум», (2) решено было выслать не столько даже властителей именно «дум», (3) решено было выслать вовсе не только нелояльных, но и тех, кто был вполне лоялен. Предполагаю, что высылались те, кто потенциально представлял из себя (пусть даже лояльную власти) небольшевистскую интеллектуальную инфраструктуру (в высшей школе и печати), вокруг которой могла формироваться – не то чтобы альтернативная, а просто независимая «повестка дня». Почему в этом возникла необходимость? Потому что: (1) опыт перехода от военного управления страной к мирному, (2) задачи технологической реконструкции народного хозяйства, (3) опыт привлечения общественности к борьбе с голодом в 1921 году, (4) опыт восстановления неполитических коммуникаций с Западом в 1921–1922, (5) опыт использования «сменовеховства» в деле «приручения к власти» массовой непартийной интеллигенции в 1921–1922 годах, – показали, что массы интеллигенции и служащих нелояльны. И для обеспечения управляемости советского аппарата необходим операциональный и монопольный контроль за «общественной дипломатией» вне страны и за общественными настроениями – внутри. Можно сказать, что акт высылки несоветских интеллигентов из Советской России – был лишь эпизодом советского террора начала 1920-х годов против остатков политической оппозиционности (эсеров, меньшевиков, кадетов) и имел своей короткой тактической целью обеспечить комфортное «замещение» подавленной, глухой, идейно раздробленной идеологической оппозиции большевикам – их новым идейным инструментом – абсолютно контролируемой высшим партийным руководством и ГПУ движением «Смена Вех» («сменовеховством»). Это техническое решение власти я не могу считать своеобразным актом признания ею какого-то особого влияния высланных или их особой несовместимости с будущей идеократией. В конце концов, на «пароход» не попали и остались в России, ничего не изменив, пусть и лояльные, но во все не коммунистические Г. Г. Шпет, А. Ф. Лосев, С. А. Аскольдов, П. А. Флоренский, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Муравьев, С. А. Котляревский, М. О. Гершензон, не говоря уже о не столь идейно активных многочисленных «спецах»: экономистах, инженерах, военных.

Константин Батынков. Проект «Москва», 2008

Но главное, что заставляет меня считать «философский» мотив неоконченным, а документальную историю недочитанной, – так это сам же этот сборник документов. Широко известны, например, смелые, идейные показания Н. А. Бердяева перед высылкой, рассказ о его дискуссии с Дзержинским в стенах ВЧК и т. п. В этой новой книге – ряд иных показаний, иных героев высылки. И вот что следует из их почти единодушного хора. Все они – лоялисты, страдают от акта высылки, не хотели бы порывать корней с пореволюционной Россией, несмотря ни на какой террор, видели бы для себя возможности дальнейшей работы при идеократической диктатуре и т. п. Можно, конечно, учесть, что террор и тоталитаризм 1930-х были впереди, но ведь казни, бессудные расстрелы и повешения периода Гражданской войны, цензура, концентрационные лагеря и ссылки – уже были! Значит ли это, что жертвы «философского парохода» не считали их дозу критичной?

Н. В. Савич. *После исхода: Парижский дневник. 1921–1923* / Публ. Н. Н. Рутч-Рутченко, В. Ж. Цветков. М., 2008. 568 с. Тираж 2000 экз.

Качественная, достойная работа, делающая честь издательству «Русский Путь». Автор дневника – «белый» политик, член существовавших под разными названиями правительств глав белой государственности на Юге России А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Сегодня такая литература, при всей ее драгоценности, количественно измеряется десятками, если не сотнями томов, что уже выводит ее за рамки непросвещенного чтения – в поле чтения более квалифицированного, способного сличить и сопоставить. Профессиональное же чтение утомлено ставшими уже привычными острыми столкновениями образов и миров: между текущей архивной перепиской или дневниками участников и наблюдателей событий – и их же позднейшими мемуарами, между активным переживанием актуальной истории как собственной живой судьбы – и переживанием прошлого и своей судьбы как музейного «урока».

Но в профессиональном чтении это качественное накопление «исторической плоти» складывается из фрагментов много значимых «открытий-для-себя». Годами они складываются из деталей и один импульс обнаруживает их большую логику. Вот и отсюда последний камень в постройку завершает очевидность: и сам Н. В. Савич, и хорошо известные науке идейные деятели эпохи Временного правительства и Гражданской войны (а потом и эмигрантской идейно-политической сцены) П. Н. Милюков, А. В. Карташев, В. В. Зеньковский, С. Ф. Ольденбург (отец), В. В. Вернадский (отец), П. Б. Струве, М. В. Бернацкий, Г. В. Вернадский (сын), П. Н. Савицкий, П. И. Новгородцев, С. С. Ольденбург (сын), К. Н. Соколов, Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, А. Д. Билимович, М. М. Винавер и многие другие – не просто политики-публицисты, а и дюжие чиновники и уполномоченные Временного, белых централизованных, локальных и национальных правительств. Их руки – не были в перчатках, но их внутренний моральный закон никогда не исчезал, и их опыт государственной Realpolitik, не вытоптавший ни моральный закон, ни пафос белой борьбы, тем не менее никого из них не заставил капитулировать перед государственным бременем. Может быть, кто-то из них капитулировал перед большевиками (в которых им открылся «дух государства»), но лишь после открытой, не просто общественной и политической, а самой лапидарной государственной же борьбы. В этом их отличие от пассажиров «философского парохода».

Валерий Брюсов. *Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924* / Сост. В. Э. Молодякова. М., 2003. 224 с. Тираж 1000 экз.

«От Гонолулу до Москвы объял ты мир орлиным взором», – так превознес политическую мысль Брюсова его поклонник, третьеразрядный поэт А. Тиняков (Одинокый) (цитирую по памяти). Поэтому стоит поблагодарить В. Э. Молодякова за труд – теперь мы можем самостоятельно и обоснованно оценить орлиный взор Брюсова, имевшего необъяснимую смелость выступать с политическими и общественными комментариями (включая стихотворные). Все они – абсолютно невпопад, не по делу, без тени элементарных знаний, даже банальных, не представляющие никакой исторической или интеллектуальной ценности. Видя теперь это, острее понимаешь, насколько безвкусным и пошлым (хотя и бюрократически верным) было его предсмертное вступление в правящую террором коммунистическую партию.

И. В. Быстрова. *Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы)*. М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с. Тираж 500 экз.

Объемный труд с длинным оглавлением читается довольно легко и с толком. Секрет этого видится мне в том, что автор – академический историк – от души эксплуатирует ординарную по сути практику сужения своей задачи и последовательного отсека всего, что хоть на йоту отклоняется от ее узкой мишени. Это не плохо, но требует от исполнителя виртуознейшего мастерства, как от любого композитора и исполнителя, рискующих творить в традициях минимализма. Без искусства такой минимализм легко же превращается в примитив.

Итак, проблема создания советского ВПК – это проблема, в первую очередь, подготовки СССР ко Второй мировой войне и участия в послевоенной гонке вооружений. В первой части книги И. В. Быстрова решила не вникать в разветвленную проблематику сталинской мобилизационной экономики и милитаризации как ее производной, успокаивая читателя отсылками к трудам коллег, и сосредоточилась на частной, прикладной теме «военной промышленности», «мобилизационных планов» (т. е. милитаризации) для промышленности гражданской, попыткам межведомственной координации всего этого хозяйства. Из ее исследования следует, что, несмотря на форменный мобилизационный аврал, начавшийся после 1 сентября 1939 года, традиционными советскими бюрократическими способами адекватно милитаризовать экономику не удалось, эта задача уже после 22 июня 1941 упала на совершенно чрезвычайный орган

управления Государственный комитет обороны, а «мобилизационные планы» и их эвакуационные проекты пошли прахом.

Интересно в этом контексте звучит свидетельство И. В. Быстровой о том, что, несмотря на излюбленные в историографии сталинизма события «военной тревоги» 1926–1927 годов, когда СССР начал со дня на день ожидать нападения Англии, Польши и окончательной утраты влияния в Китае, когда в стране разбушевала алармистская истерия, а руководству стало очевидно, что полноценной Красной Армии нет и к войне СССР не готов, одним словом, что даже эти события, считающиеся главным историческим импульсом к тотальной мобилизации страны, индустриализации, коллективизации и террору, – никак не отразились на реальном строительстве военной промышленности. То есть получается, что вслед за «военной тревогой» и сопутствовавшей ей истерикой, в течение 10 лет советское руководство не могло обеспечить качественного рывка в подготовке к войне. Трудно сказать, так ли это: во всяком случае, действительно бюрократические схемы мобилизации менялись одна за другой, а строительство изолированной, «кадровой» военной промышленности отступало перед приоритетами общеэкономической мобилизации. Так же трудно пока понять: что же больше всего позволило экономически выстоять в войне – военная промышленность или тотальная мобилизация.

Некоторый косвенный намек на то, что секрет был не в «кадровости», а в «тотальности», дает изобильно представленная автором статистика технических и ресурсных поставок союзников СССР (Англии и США) в 1941–1945 годах (в том числе по ленд-лизу). Кроме широко известных данных о том, что от союзников СССР получил (относительно собственного производства) – 15% самолетов, 12% танков, 22% судов, И. В. Быстрова сообщает данные о том, что на каждые 100% поступивших из советской промышленности в народное хозяйство (то есть на две трети – на фронт) СССР было: 37% авиационного бензина, 66% кадмия, 37% металлорежущих станков, 81% молибденового концентрата, 46% сахара, 90% вагонов, почти 100% паровозов – от союзников. Примечательно, что именно многие из перечисляемых Быстровой групп дефицитных товаров, поставивших в годы войны СССР в прямую и жесткую зависимость от поставок союзников, стали приоритетными заданиями для экономики НКВД.

Во второй части книги, посвященной военно-техническим связям СССР со странами Варшавского договора, ВПК которых стало частью единого блокового ВПК (и, видимо, это единство особо и подорвало его после краха Варшавского блока), Анголой, Кубой, Гвинеей-Бисау, Намибией, Египтом и т. п., автор исследовательски менее щедр. Преобладают короткие параграфы-комментарии к нескольким рассекреченным бумагам о поставках вооружений и техники в подобные страны – без внятной истории, контекста и общего плана.

Одно, очевидно, более всего беспокоит автора – утверждение какой-то особой властной роли лидеров ВПК в управлении СССР, отдельной от военно-партийно-политически-правительственной верхушки. Как бы то ни было, но этот ракетно-физически-ядерный миф звучит не убедительно: высшая интегральная власть в СССР состояла из зубров, десятилетиями, сквозь взаимную репрессивную борьбу кланов, строивших именно тотальную мобилизационную экономику, а советская наука и ВПК всегда и за страх, и за совесть служила своему государству под руководством этих зубров. И, образно говоря, в реализации государственных интересов союз Берии и Сахарова был иерархичным и нерушимым. Умерли сталинские зубры Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов – и умер СССР, без коего советская наука и ВПК не проявили никаких инстинктов: ни власти, ни реставрации.

МОДЕСТ КОЛЕРОВ – РОДИЛСЯ В 1963 ГОДУ, ИЗ КРЕСТЬЯН ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ, В ГОДЫ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ КАК КУЛАКИ. ПЕРВЫЙ В СВОЁМ РОДУ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 300 ЛЕТ СМЕНИВШИЙ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА, В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО ОКОНЧИЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ПОСЕЛИЛСЯ В

МОСКВЕ. КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, АВТОР СВЫШЕ 170 НАУЧНЫХ РАБОТ И МНОГОЧИСЛЕННЫХ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ XIX–XX ВЕКОВ, РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ, СТАЛИНСКОЙ ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. АВТОР, РЕДАКТОР И ИЗДАТЕЛЬ 35 КНИГ ПО ИСТОРИИ РОССИИ И СССР, СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА, «НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ», СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗА, ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ, ЭКОНОМИКИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ, РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА «РУССКИЙ СБОРНИК», СЕРИИ «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ», КНИЖНОЙ ПРОГРАММЫ *REGNUM*, УПРАВЛЯЮЩИЙ ДИРЕКТОР ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА *REGNUM*, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ НА НОВОСТЯХ И АНАЛИТИКЕ О РОССИИ, УКРАИНЕ, МОЛДАВИИ, ПРИБАЛТИКЕ, КАВКАЗЕ, БАЛКАНАХ И СРЕДНЕЙАЗИИ. В 2005–2007 ГОДАХ – НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК I КЛАССА.

ПОЛИТИКА

Южная Осетия и переделка постсоветского мира⁶ Интервью с Рональдом Сунни

Пушкин положил немало сил на то, чтобы соблюсти в журнале «чистоту жанра»: только и исключительно рецензии, ничего кроме рецензий!

Но события августа застали его врасплох.

Книг о боях в Южной Осетии еще, разумеется, не издано. То есть высказаться об этом событии, перевернувшем современный мир, ему хочется, но рецензировать пока нечего. Пусть читатель будет снисходителен – два последующих материала (интервью Рональда Сунни и аналитическая заметка Иммануила Валлерстайна) нагло и вызывающе выбиваются из стройного ряда книжных рецензий.

Пушкину при всем при этом публикация их кажется делом небесполезным.

Хачик Мурадян: Поговорим об освещении конфликта между Россией и Грузией ведущими американскими СМИ.

Рональд Сунни: Ведущие СМИ полностью оторваны от реальности. Они повторяют линию президента, правительства и кандидатов в президенты. Когда же они пытаются предложить свое осмысление конфликта, эти СМИ используют штампы, вроде «русского империализма» и «русской агрессии». Они воспроизводят старые штампы времен холодной войны, и в результате складывается совершенно неверное прочтение ситуации.

После ряда событий начала 1990-х годов Россия, в соответствии с международными соглашениями, выполняла миротворческую миссию, отделяя грузин от абхазов и осетин. Она подходила к выполнению своей роли довольно ответственно, поддерживая мир в регионе. Если говорить абстрактно, Россия действительно не слишком печется о территориальной целостности Грузии и она действительно нанесла удар по суверенной демократической стране. Но в таких рассуждениях упускается главное, а именно – что Россия поддерживала мир в этом регионе на протяжении многих лет.

Этот кризис был вызван действиями Саакашвили. Это он нанес ракетный удар по Цхинвали, столице Южной Осетии. Момент для нападения был выбран очень точно: Буш и Путин были тогда в Пекине, а Медведев – в круизе по Волге. Об этих важных деталях многие умалчивают.

Ведущие СМИ говорят об империи и империализме. Но на самом деле Россия осуществляет простую гегемонию. Она хочет господствовать в своем ближнем зарубежье точно так же, как Соединенные Штаты хотят господствовать в Латинской Америке, хотя американцы стремятся еще и к глобальной гегемонии.

Русские хотят сохранить *status quo*. Они хотят сохранить в Абхазии и Южной Осетии ситуацию замороженного конфликта. Это работает на них. Они могут вызывать раздражение Тбилиси, мешать Грузии полностью интегрироваться с Западом и препятствовать ее вступлению в НАТО. Для русских членство Грузии в этом военном альянсе означает катастрофу. Прибалтика, многие страны Восточной Европы и Турция уже в НАТО. Если прибавить к этому

⁶ South Ossetia and the Remaking of the Post-Soviet World: An interview with Ronald Suny, *ZNet*. 16 August 2008, <http://www.zcommunications.org/znet/viewArticlePrint/18457>, Беседу вел Хачик Мурадян, Перевод с английского Артема Смирнова.

Грузию, то по всем западным и южным границам Россия будет граничить со странами-членами НАТО. Для великой державы, вроде России, это неприемлемо.

Х. М.: Как вы объясняете ответ России на нападение Грузии на Южную Осетию?

Р. С: За последние пятнадцать лет Россия перенесла множество унижений. Распад Советского Союза приветствовали разве что либералы, а под либералами в России понимаются правые, предатели. Соединенные Штаты обещали не расширять НАТО в Восточной Европе, но своего обещания не сдержали. В свою очередь, так называемые «цветные революции» в Грузии, на Украине и в Кыргызстане вызывали у русских опасения. Они считали эти революции результатом западного вмешательства, искусственными событиями, вызванными Западом для того, чтобы привести к власти антироссийских политиков, вроде Саакашвили и Ющенко. Теперь, несмотря на возражения Москвы, Косово получило независимость. После колоссального чувства унижения и утраты влияния пришел Владимир Путин, цены на нефть взлетели вверх, русские начали делать деньги, страна на подъеме, и они вновь стали наращивать мощь. Если вы прислушаетесь к нынешней российской риторике, вы услышите, что после многих лет унижения они вернулись и больше не позволят собой помыкать.

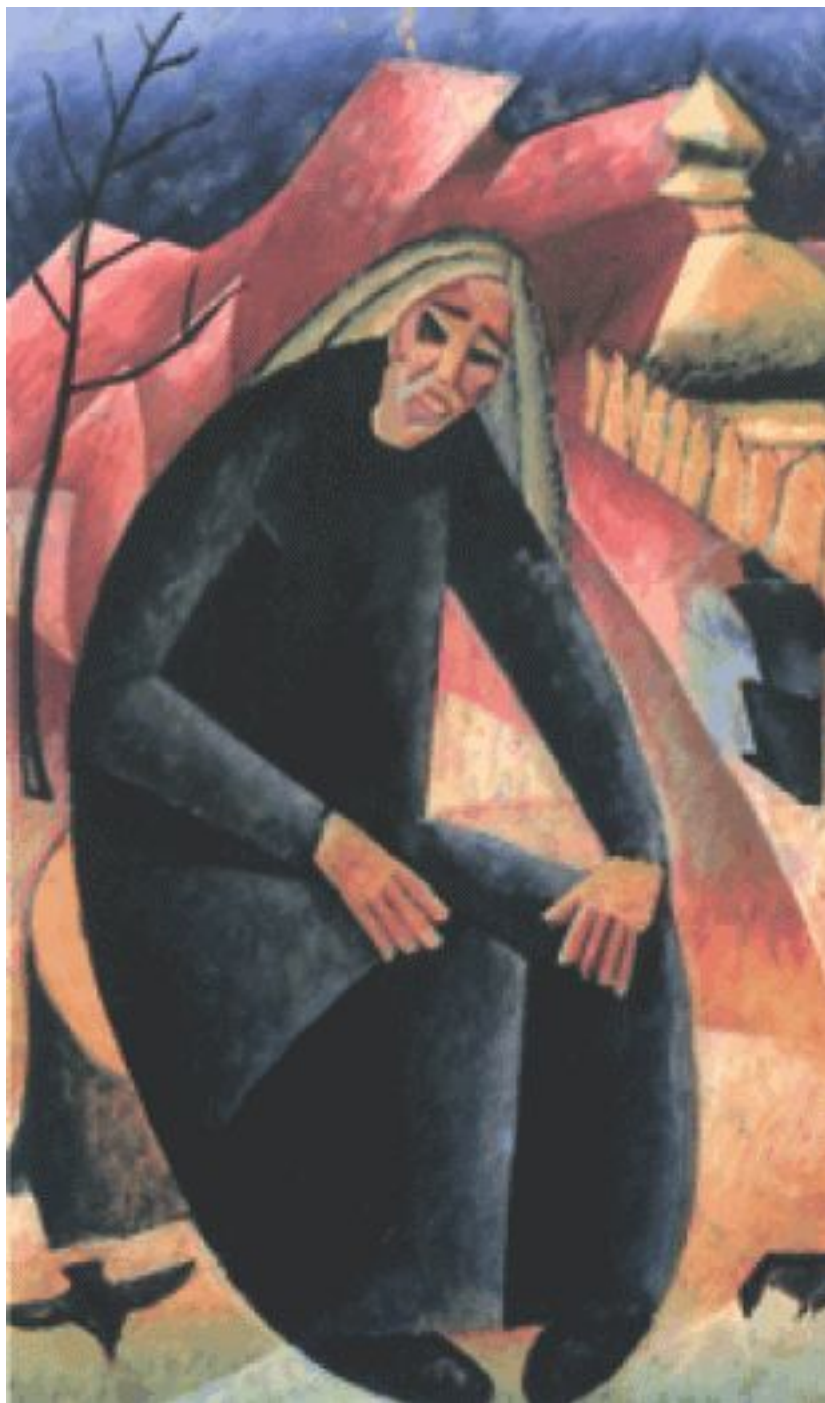
Х. М.: Что, как вы думаете, станет делать Путин после этой демонстрации силы?

Р. С: Я думаю, русские ясно дали понять, что это не они выбрали конфронтацию. Они имеют достаточно тесные связи с международным сообществом и не хотят возврата за какой-то «железный занавес». Они не хотят оказаться в изоляции.

Х. М.: А что вы думаете о реакции Запада?

Р. С: Думаю, не случайно, что Саркози, Меркель и другие европейские лидеры и дипломаты приезжали в Москву для решения этой проблемы. Европейцы считают Россию частью Европы. И они не придерживаются столь жесткого курса, как администрация Буша.

Надо отметить, что администрация Буша находится под большим влиянием Чейни. Первое заявление Буша было не слишком жестким, но затем он и правительство заняли линию Чейни.

К. Н. Редько. Старик, 1921–1923

Но Соединенные Штаты и НАТО бессильны в этой ситуации. Они явно не собираются воевать из-за Южной Осетии. У них не слишком много пространства для маневра. Саакашвили начал это, русские приняли вызов и улучшили свои позиции.

Единственное, что теперь могут попытаться сделать Саакашвили и Запад, – это дискредитировать Россию. Конечно, они постараются разыграть эту карту. Они попытаются представить Россию агрессором. И, конечно, русские играют на этот образ. Зачем было бомбить Гори? Они хотели наказать грузин. Они хотели преподать им урок. И, я думаю, они им его преподали. Дни Саакашвили у власти сочтены. О чем он думал? Он очень импульсивный лидер. Народ Грузии боится его, потому что никогда не ясно, что от него ждать. Он играл, и он проиграл

эту игру. Когда ты не побеждаешь в войне, которую сам же и начал – как это испытало на себе израильское руководство в Ливане и американское в Ираке, – приходится за это расплачиваться.

Х. М.: Что изменилось в уравнении после войны между Грузией и Россией?

Р. С: Маленькое местечко, о котором мало кто вообще слышал, Южная Осетия на самом деле изменила природу всего постсоветского мира. Теперь страны поняли, что с русскими шутки плохи. С Россией всегда непросто было иметь дело. Теперь русские сказали: если нас доведут, мы будем использовать военную силу. И это новое измерение.

Х. М.: Поговорим о ситуации в Южной Осетии и Абхазии до и после краха Советского Союза.

Р. С: В советские времена Южная Осетия была автономной областью, а Абхазия – автономной советской республикой. Они имели эту официальную автономию, но на самом деле полностью находились под властью Грузии, особенно в сталинскую эпоху, когда Берия был близок к Сталину. Многие были этим недовольны. Тогда происходила своеобразная «грузинизация» этих областей.

С началом распада Советского Союза президентом Грузии был избран крайне радикальный националист Звиад Гамсахурдия. Он провозгласил «Грузию для грузин». Они собирались создать этнонациональную республику, а другим народам, которые составляли 30% населения (сотни тысяч армян, азербайджанцев, грузин-мусульман и, конечно, абхазов и осетин), в ней места не было. Абхазы и осетины восстали и не без помощи России провозгласили свою автономию, изгнав грузин. В Грузии теперь проживают сотни тысяч грузинских беженцев из этих областей. В 1993–1994 годах, примерно в то же время, когда русские обсуждали перемирие между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе, они вели переговоры о подобном перемирии в Абхазии и Южной Осетии.

Осетины и абхазы хотели присоединиться к России или стать независимыми. Россия никогда не хотела их аннексии или полного включения в Россию, исходя из международно-правового принципа территориальной целостности. Русские считали, что нельзя менять границы без взаимного согласия. (Иными словами, они выступали против независимости Косово потому, что это оправдало бы мятеж в Чечне). Русские соблюдали этот принцип, но когда Соединенные Штаты поддержали независимость Косово, Путин заметил, что, если Косово может это сделать, то почему Абхазия и Южная Осетия не могут последовать его примеру?

В отличие от Нагорного Карабаха, где подавляющее большинство составляли армяне (в 1989 году, когда разразился конфликт, они составляли 76% населения), абхазов в Абхазии было всего 17%, а грузин – около 43%. (Кстати, по многим оценкам, армяне могут быть сегодня крупнейшей этнической группой в Абхазии).

Х. М.: В своей книге «Создание грузинской нации» вы говорите: «Если и можно сделать какой-то вывод из такого исследования *longue duree* малой нации, то он заключается в том, что нация никогда не бывает окончательно „созданной“». Как, на ваш взгляд, нынешний конфликт повлияет на создание грузинской нации?

Р. С: Грузины привыкли во всем обвинять иностранцев, русских или меньшинства. Они не признают собственной ответственности за свою же судьбу. В каком-то смысле этой жесткой политикой по отношению к России и своим собственным меньшинствам грузинское государство совершило самоубийство. Грузины должны сделать выбор: попытаться восстановить, укрепить, объединить грузинскую национальную территорию при помощи жесткой милитаристской конфронтационной политики, которая будет по своей сути крайне антироссийской и прозападной, или попытаться договориться, пойти на уступки, предоставить высокую степень автономии Абхазии и Южной Осетии, объединив усилия с Россией. Грузия колебалась между этими двумя подходами. Проблема в том, что сотрудничество не принесло больших результатов, и это стало причиной разочарования.

Саакашвили избрал жесткий курс. Он думал: «Я могу поставить Россию в крайне неудобное положение. Я могу использовать Запад, и такое давление заставит Россию прийти к некоторому соглашению со мной и поможет мне войти в НАТО». Такова была его игра.

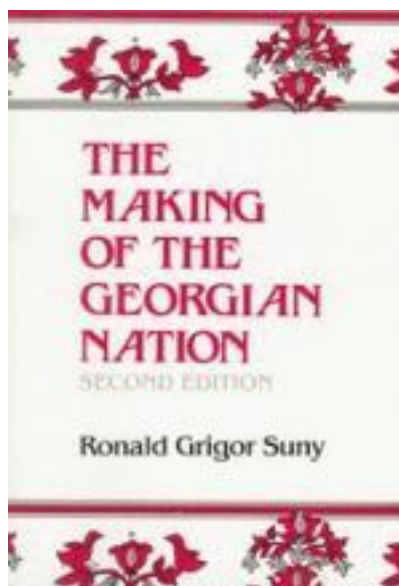
Х. М.: Граничащий с Грузией Азербайджан приветствовал стремление Тбилиси вернуть контроль над Южной Осетией и предупредил о возможности подобных действий против собственной отколовшейся республики Нагорный Карабах. На ваш взгляд, решатся ли азербайджанские власти воплотить свою воинственную риторику в жизнь?

Р. С: Действия России изменили положение вещей. Если бы Саакашвили добился успеха, тогда бы Азербайджан со своей стороны попытался сделать нечто подобное в Карабахе. Если бы я был азербайджанцем, я бы действовал предельно осторожно. События в Грузии все изменили. Россия вновь стала важным игроком на Южном Кавказе, и она считает Армению своим ближайшим союзником в этом регионе.

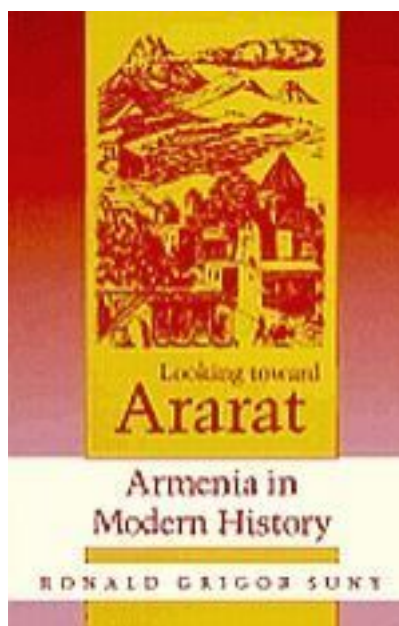
РОНАЛЬД ГРИГОР СУНИ – ПРОФЕССОР СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МИЧИГАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (США); ОДИН ИЗ КРУПНЕЙШИХ АМЕРИКАНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА; ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА» И ВОПРОСОВ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ; ИЗВЕСТНЫЙ ЭКСПЕРТ ПО КАВКАЗУ И ИСТОРИИ ГРУЗИИ

БИБЛИОГРАФИЯ

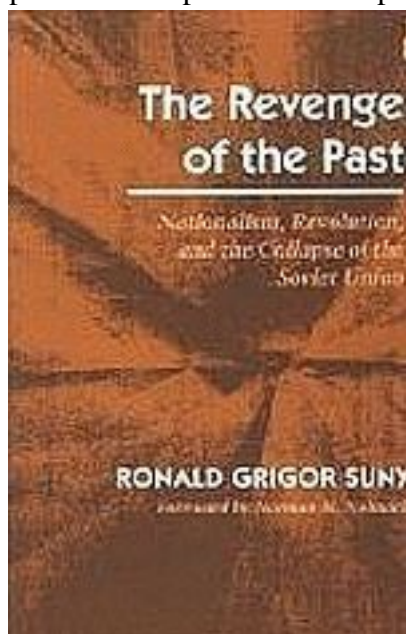
The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972 (Бакинская коммуна, 1917–1918: класс и национальность в русской революции).

The Making of the Georgian Nation. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1988, 1994 (Создание грузинской нации).

Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1993 (Глядя на Арарат: Армения в современной истории).

The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993 (Месть прошлого: национализм, революция и крах Советского Союза).

The Soviet Experiment: Russia, the, and the Successor States. New York, NY: Oxford University Press, 1998 (Советский эксперимент: Россия, и государства-преемники).

Советский Союз: национализм и внешний мир // *Общественные науки и современность*. 1991, № 3. (В соавторстве с Алексом Манугяном).

Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001, № 1–2.

Социализм, постсоциализм и нормативная модерность: Размышления об истории СССР // *Ab Imperio*. 2002. № 2.

Диалог о геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // *Ab Imperio*. 2004. № 4,

Уроки империи: Россия и Советский Союз // *Прогнозис*, 2006. № 4 (8).
Изучение империй // *Ab Imperio*. 2008, № 1.

ПОЛИТИКА

Геополитические шахматы: Подоплека мини-войны на Кавказе Иммануил Валлерстайн⁷

В августе мир стал свидетелем мини-войны на Кавказе, которая сопровождалась страстной, но во многом неуместной риторикой. Геополитика – это гигантская серия шахматных игр между двумя игроками, стремящимися заполучить в них позиционное превосходство. В этих играх важно знать правила, которые определяют ходы. Конь не может ходить по диагонали.

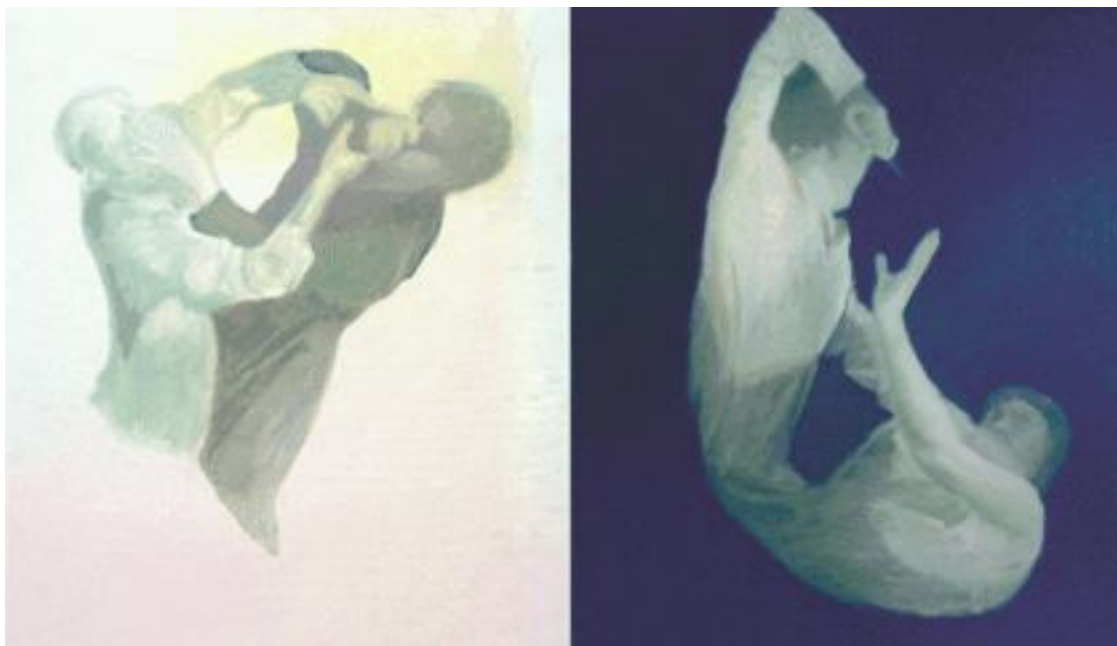
С 1945 по 1989 год основная игра велась между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Ее называли «холодной войной», а базовые правила метафорически назывались «Ялтой». Главное правило касалось линии, разделявшей Европу на две сферы влияния. Уинстон Черчилль назвал ее «железным занавесом», протянувшимся от Щецина до Триеста. Правило заключалось в том, что, какую бы неразбериху ни создавали в Европе пешки, ни о какой настоящей войне между Соединенными Штатами и Советским Союзом не могло быть и речи. В конечном счете фигуры должны были вернуться на исходные позиции. Это правило неукоснительно соблюдалось вплоть до краха коммунизма в 1989 году, ознаменовавшегося падением Берлинской стены.

Тогда всем стало ясно, что ялтинские правила отменены и что игра между Соединенными Штатами и (с 1991 года) Россией полностью изменилась. С тех пор главная проблема состояла в неверном понимании Соединенными Штатами новых правил игры. Они провозгласили себя – и были провозглашены многими другими – одинокой сверхдержавой. Если описывать ситуацию языком шахмат, это значило, что Соединенные Штаты вольны были перемещаться по шахматной доске так, как посчитают нужным, и могут свободно включать бывшие советские пешки в сферу своего влияния. При Клинтоне и в еще большей степени при Джордже Буше-младшем Соединенные Штаты продолжали вести игру в подобном ключе.

Но здесь была одна проблема: Соединенные Штаты не являлись одинокой сверхдержавой; они вообще больше не являлись сверхдержавой. Конец холодной войны означал, что Соединенные Штаты превратились из сверхдержавы – покуда в мире была другая сверхдержава – в обычное сильное государство при по-настоящему многостороннем раскладе реальных сил в межгосударственной системе. Многие крупные государства могли теперь вести свои собственные шахматные партии, не соотнося свои ходы с ходами одной из двух бывших сверхдержав. И они начали вести такие партии.

В годы правления Клинтона были приняты два важных геополитических решения. Во-первых, Соединенные Штаты упорно – и более или менее успешно – выступали за включение бывших советских сателлитов в состав НАТО. Эти страны и сами жаждали войти в альянс, несмотря на то что ключевые западноевропейские страны – Германия и Франция – воспринимали происходящее без особого восторга. Они считали, что действия Соединенных Штатов отчасти были нацелены на ограничение недавно обретенной ими свободы геополитических действий.

⁷ IMMANUEL WALLEESTEIN *Geopolitical Chess: Background to a Mini-war in the Caucasus* Commentary No, 239, 15 August 2008, <http://www.binghamton.edu/fbc/239en.htm>. Текст печатается с любезного согласия редакции журнала «Русский репортер», обладающего эксклюзивными правами на русскоязычные публикации аналитических заметок Иммануила Валлерстайна. Перевод с английского Артема Смирнова

Тамара К. Е. Пионер, убивающий бога. 2007

Вторым ключевым решением Америки было активное участие в пересмотре границ бывшей Федеративной республики Югославия. Наивысшей точкой здесь стало решение о поддержке, в том числе и военной, фактического отделения Косово от Сербии.

Даже при Ельцине Россия выражала крайнее недовольство этими действиями Соединенных Штатов. Но политический и экономический хаос в России ельцинской эпохи был настолько значительным, что самое большее, что она могла сделать, это высказать свое возмущение, да и то довольно неумоно.

Джордж Буш-младший и Владимир Путин пришли к власти примерно в одно время. Буш собрался проводить тактику одинокой сверхдержавы (Соединенные Штаты могут двигать свои фигуры, куда захотят) еще более решительно, чем Клинтон. Сначала Буш в 2001 году вышел из американо-советского соглашения по ПРО. Затем он объявил, что Соединенные Штаты не станут ратифицировать два новых соглашения, подписанных в годы правления Клинтона: договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1996 года и достигнутые соглашения об изменениях в ОСВ-II. Потом Буш заявил, что Соединенные Штаты начнут создавать собственную национальную систему ПРО.

И, конечно, Буш вторгся в Ирак в 2003 году. Одновременно Соединенные Штаты стремились получить и получили права на создание военных баз и пролет своих самолетов в республиках Средней Азии, прежде входивших в состав Советского Союза. Кроме того, Соединенные Штаты содействовали строительству трубопроводов для среднеазиатской и кавказской нефти и газа в обход России. Наконец, Соединенные Штаты заключили соглашения с Польшей и Чехией о размещении элементов системы ПРО якобы для защиты от иранских ракет. Но Россия посчитала, что они были нацелены против нее.

Отыгрыш Путина был куда результативнее ельцинского. Но, как благоразумный игрок, для начала он решил усилить позиции внутри страны, воссоздав действенную центральную власть и вернув боевой дух российской армии. В этот момент волна в мировой экономике переменялась, и Россия неожиданно стала богатым и сильным хозяином не только нефти, но и природного газа, столь необходимого странам Западной Европы.

Затем Путин начал действовать. Он вступил в договорные отношения с Китаем. Он поддерживал тесные связи с Ираном. Он начал выдавливать Соединенные Штаты из их среднеазиатских баз. И он занял очень твердую позицию по вопросу дальнейшего расширения НАТО на две ключевые зоны – Украину и Грузию.

Распад Советского Союза привел к появлению этнических сепаратистских движений во многих бывших республиках, включая Грузию. Когда Грузия в 1990 году попыталась отменить автономию своих негрузинских этнических зон, они незамедлительно провозгласили себя независимыми государствами. И хотя они не получили международного признания, Россия гарантировала их фактическую автономию.

Две вещи способствовали началу нынешней мини-войны. В феврале этого года Косово удалось оформить свою фактическую автономию в юридическую независимость. Этот шаг был поддержан и признан Соединенными Штатами и многими западноевропейскими странами. Россия тогда предупредила, что логика этого шага одинаково применима к фактически отколовшимся политическим образованиям в бывших советских республиках. В случае с Грузией Россия сразу же сделала шаг к признанию южноосетинской юридической независимости в ответ на признание независимости Косово.

А в апреле этого года Соединенные Штаты на заседании НАТО предложили включить Грузию и Украину в так называемый План действий по членству. Германия, Франция и Великобритания выступили против этого, говоря, что это провоцирует Россию.

Неолиберальный и безоглядно-проамериканский президент Грузии Михаил Саакашвили оказался в отчаянном положении. Он решил окончательно установить власть Грузии над Южной Осетией (и Абхазией). И он выбрал удобный момент, когда бдительность России ослабла (Путин был на Олимпийских играх, а Медведев в отпуске), чтобы осуществить вторжение в Южную Осетию. Конечно, слабые войска Южной Осетии были полностью раздавлены. Саакашвили думал, что тем самым он заставит Соединенные Штаты (а также Германию и Францию) шевелиться быстрее.

Вместо этого он получил немедленный российский военный ответ, выдержать который небольшой грузинской армии было не по силам. В помощь от Буша он получил только риторику. Да и что мог сделать Буш? Соединенные Штаты не сверхдержава. Их войска увязли в двух безрезультатных войнах на Ближнем Востоке. И, что самое важное, Соединенные Штаты нуждаются в России гораздо больше, чем Россия в них. Российский министр иностранных дел Сергей Лавров очень точно заметил в своей статье в *Financial Times*, что Россия была «партнером Запада в решении таких разнообразных проблем, как Ближний Восток, Иран и Северная Корея».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.